

**ДЕЛО ОБ ОТРАВЛЕНИИ КРЕСТЬЯНСКОЙ ДЕВКИ
МАРФЫ ДОЧЬ ПЕТРОВОЙ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ ПОДДАННЫХ***

Алисе Плате

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**STATE INTEREST AND PUBLIC HEALTH:
THE CASE OF THE POISONING OF THE PEASANT
MAIDEN MARFA, DAUGHTER OF PETROV****

Alice Plate

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article uses the case of the “poisoning of the peasant maiden Marfa, the daughter of Petrov”, heard in the courts of Yekaterinburg in 1791, to demonstrate how practices of social disciplining based on Western European ideas of “medical Enlightenment” and “medical policy” might have worked in a Russian province. The prerequisite for the perception of such ideas was a fairly high educational level among the local officials involved into this case. But this is not the sole reason: a no-less-important role was played by a solid and (in many respects) unique communication field built on formal and informal networks that emerged due to the special status Yekaterinburg enjoyed as capital of the Ural mining industry, a regional educational centre and communications junction. Thus,

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9 «Коммуникативные поля бытования инновационных процессов в России Нового времени: генезис, функционирование, трансформации» (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Автор выражает благодарность А. В. Келлеру, М. А. Киселеву и Я. А. Лазареву за помощь, ценные советы и критические замечания, которые помогли в работе над текстом.

** Citation: Plate, A. (2019). State Interest and Public Health: The Case of the *Poisoning of the Peasant Maiden Marfa, Daughter of Petrov*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 4. P. 1185–1198. DOI 10.15826/qr.2019.4.432.

Цитирование: Plate A. State Interest and Public Health: The Case of the *Poisoning of the Peasant Maiden Marfa, Daughter of Petrov* // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 4. P. 1185–1198. DOI 10.15826/qr.2019.4.432 / Плате А. Дело об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой: государственная забота о здоровье подданных // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 4. С. 1185–1198. DOI 10.15826/qr.2019.4.432.

at the end of the 18th century visiting professional elites and local mining and state officials were not only connected through work, but also through shared leisure activities. It is very likely that with these “agents of Enlightenment” the views and knowledge that existed in Europe and the country’s capitals (including those about the “right” medicine) permeated into the provinces. As a result of this, the judges and the district doctor showed some legal ingenuity: in their struggle against unofficial medical treatment, they decided to achieve maximum disciplinary effect by mitigating the sentence. Therefore, they applied legislation not immediately related to the case. This was done in order to stigmatise illegal healing, since the few representatives of official medicine were incapable of withstanding competition from omnipresent quacks and sorcerers, who offered services to the common people by relying on their experience and intuition.

Keywords: history of medicine; medical police; social disciplining; provincial officialdom; reforms of Catherine II; 18th-century Urals.

На материалах дела «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой», рассматривавшегося в 1791 г. в суде Екатеринбурга, показано, как в российской провинции работал механизм социального дисциплинирования, основанный на западноевропейских идеях «медицинского просвещения» и «медицинской полиции». Важной предпосылкой для восприятия подобных идей являлся относительно высокий образовательный уровень задействованных в решении данного судебного случая официальных лиц. Но не меньшую роль сыграло наличие стабильного, во многом уникального коммуникативного поля, сформировавшегося благодаря особому статусу тогдашнего Екатеринбурга – столицы уральской горнозаводской промышленности, регионального образовательного центра и транспортного узла. Здесь в конце XVIII в. представителей приезжих профессиональных элит, с одной стороны, и уральское горное и гражданское чиновничество, с другой, связывали, помимо общей работы, неформальные досуговые практики. Вместе с «агентами просвещения», что весьма вероятно, транслировались в провинцию бытовавшие в ту пору в Европе и столицах страны взгляды и знания (в том числе и о «правильной» медицине). В результате этого судьи, объединившись с уездным врачом для достижения максимального дисциплинарного эффекта в борьбе с неофициальной медициной, проявили юридическую изобретательность для смягчения приговора. Местные чиновники подняли указы, не имевшие прямого отношения к такого рода делам. Все это делалось для стигматизации подобных практик, поскольку малочисленные представители официальной медицины просто физически не могли конкурировать с многочисленными народными целителями – знахарями, ведуньями или, как в рассматриваемом случае, простыми людьми, предлагавшими медицинские услуги, полагаясь на собственный опыт и интуицию.

Ключевые слова: история медицины; «медицинская полиция»; социальное дисциплинирование; провинциальное чиновничество; реформы Екатерины II; Урал в XVIII в.

Излечение человека от «страстей суеверия» воспринималось и врачами, и философами XVIII в. как их общая задача, которая могла быть решена на основе разума. Отталкиваясь от рассуждений И. Канта, немецкий врач Иоганн Карл Остерхаузен в 1798 г. писал: «Медицинское просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия в вопросах, касающихся его физического благополучия» [Osterhausen, S. 8–9]. В связи с этим важной задачей такого просвещения являлось отграничение лицензированной медицины – подлинной «носительницы правды и двигателя прогресса» – от традиционной народной медицины (своеобразного вместилища суеверий). Это подразумевало, наряду с «вытеснением суеверия и предрассудков в медицинских делах», ответственность за «разумное и целенаправленное поучение о настоящих ценностях здоровья и медицинской науки» [Hebenstreit, S. 175–176].

В России XVIII в. идеология медицинского просвещения западноевропейского образца стала официально признанной и транслировалась через соответствующие государственные учреждения. Особенно это касалось правления Екатерины II. Именно при ней вопросы здоровья и болезни стали ключевыми для «медицинской полиции» – специфической области государственного интереса, направленного на выработку и поддержание дисциплинарных практик в сфере оказания медицинских услуг. Вслед за Западной Европой в образованных кругах России утвердилось мнение, что «лучшим врачом по сохранению общественного здоровья является совместное применение государством медицинских и административных усилий». Об этом говорилось, в частности, в речи профессора Московского университета Франца Францевича Керестури «О медицинской полиции и ее использовании в России» в 1795 г. [цит. по: Гринзовский, с. 2–3].

Не случайно наряду с оказанием медицинской помощи врачам (как агентам государства) вменялось в обязанности осуществлять надзор за колодцами, составлять положения по диетологии, гигиене и предотвращению несчастных случаев. Представители официальной медицины учреждали карантинные станции, проводили прививочные кампании и противоэпидемические мероприятия, а также вели строгую отчетность перед Медицинской коллегией [Renner, S. 73, 109–129]. Лицензированные врачи должны были поддерживать монополию государства на изготовление лекарств, препятствовать реализации лекарств, не прошедших сертификацию, а также оказанию медицинских услуг неаттестованными лицами [ПСЗ-1, т. 9, № 6748; т. 10, № 7245; т. 13, № 9717; т. 14, № 10586; т. 15, № 10851; т. 16, № 11728, 11908; т. 21, № 15279; т. 22; № 15915]. Их главными конкурентами были различного рода народные целители (ведуньи, знахари, а также лица, иногда занимавшиеся лечением) [Голикова, с. 93]. Борясь с незаконным лечением и его возможными последствиями, правительство требовало от Медицинской коллегии предотвратить вред, «который от так называемых эмпириков и шарлатанов происходить может»

[ПСЗ-1, т. 22, № 15963]. К концу XVIII в. стараниями правительства в России появилась группа врачей-экспертов, обладавших элитарным комплексом новых знаний о человеке [Renner, S. 214]. Однако о повсеместном распространении медицинской полиции не могло быть и речи. Для этого не было достаточного количества соответствующего персонала. На начало XIX в. на российской военной и гражданской службе состояло 1519 врачей и лекарей. С учетом общей численности населения империи в 41,2 млн чел. (на 1795 г.) на одного врача/лекаря приходилось около 27,1 тыс. потенциальных пациентов [Миранов, с. 12–13]. В связи с этим возникает проблема, каким образом малочисленные агенты государства поддерживали дисциплинарные практики в сфере оказания медицинских услуг и противостояли негосударственным конкурентам, заботясь о здоровье подданных. Дело «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой» позволяет частично ее прояснить.

Выявленный случай по-своему уникален. Согласно Е. Б. Смилянской, к настоящему времени известны за весь XVIII в. не более 40 случаев нелегального лечения, зафиксированных в официальных документах. Соответственно, у историков в распоряжении не так много информации по данной теме, особенно иллюстрирующей борьбу за здоровье подданных в провинции. Малочисленность зарегистрированных случаев объяснялась тем, что народные целители пользовались серьезным авторитетом. Этому способствовали недоступность по разным причинам официальной медицины и/или недоверие к институтам власти. Обычным делом было дополнительно к посещению врача обращаться за помощью к представителям традиционной медицины. Следовательно, готовность местного населения докладывать государственным органам о нарушении медицинско-полицейских норм была крайне низкой [Голикова, с. 94; Смилянская, с. 72–82; Renner, S. 214–263].

Итак, 20 мая 1791 г. уездный врач Август Фелькнер на освидетельствовании одного случая, закончившегося летальным исходом, удостоверял собравшихся, что «сия скоропостижная смерть... приключалась от действия так называемого лекарства» [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 5]. Фелькнер совершил все необходимые процедуры согласно действующему законодательству, которое предписывало проведение судебно-медицинской экспертизы в случае насильственной смерти. Для выполнения этой рутинной работы уездного врача вызвал земский исправник Екатеринбург [ПСЗ-1, т. 5, № 3006, ст. 154]. Выводы, сделанные Фелькнером, стали частью дела «об отравлении», рассматривавшегося весной 1791 г. в судебных учреждениях Екатеринбург. Поводом для начала уголовного процесса стала трагически закончившаяся попытка оказания неквалифицированных медицинских услуг на дому.

Суть дела заключалась в следующем. Гостившая у родственницы в Сысертском заводе жена отставного мастерового Верх-Исетского завода некая Акулина Зырянова узнала о болезни «крестьянской

девки». Она посоветовала девушке лечиться от лихорадки размо-
ченным в воде табаком, так как это средство, по ее утверждению,
было успешно испробовано на других больных. Поскольку болев-
шая крестьянка колебалась, Акулина Зырянова взяла на себя ини-
циативу – приобрела табак и приготовила лечебное зелье. После
употребления этого «лекарства» больная сразу же ощутила симпто-
мы тяжелейшего отравления. Но это не остановило Акулину Зыря-
нову. Она растворила оставшийся в стакане табак и снова подала
его больной. Вскоре та пожаловалась на сильный озноб, попроси-
ла накинуть на нее шубу. В итоге у нее «пошла из рту пена, и чрез
четверть часа она девка померла» [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л.
6]. О происшествии местные жители доложили в Сысертскую за-
водскую контору. В свою очередь, сотрудники конторы обратились
в компетентные государственные инстанции. Екатеринбургский
нижний земский суд (судебно-административный и полицейский
орган) квалифицировал случай как «душегубство», а нижняя рас-
права (сословный суд), которой затем было передано дело, как не-
законное и поэтому «непозволенное лечение» [Там же, л. 13]. Кас-
сационные суды Екатеринбурга и Перми (инстанции, по которым
дело проходило в последующие месяцы), утвердили приговор ниж-
ней расправы [Там же, л. 1–11].

Возникает вопрос, на основании каких аргументов очевидное «ду-
шегубство» было переклассифицировано в менее тяжкое преступле-
ние, если учесть, что Акулина Зырянова не была местной влиятельной
персоной? И не было ли в этом ущерба государственному интересу
по защите здоровья подданных? Ответ следует искать в биографиях
судейских чиновников и культурно-политической специфике Сред-
него Урала.

На Среднем Урале, где губернская реформа Екатерины была
осуществлена в 1781 г., на протяжении первого года преобразова-
ний все 90 медицинских должностей оставались вакантными (дан-
ные относятся к Пермскому наместничеству (1791–1797 гг.) [ГАПК.
Ф. 316. Оп. 1. Д. 47. Л. 4–15 об.]¹. Перевод на Урал не пользовался по-
пулярностью среди врачей, получивших образование за рубежом или
в столичных медицинских учреждениях. Потенциальных кандидатов
пугали не только суровый климат и отдаленность региона, но и мало-
численность пациентов для побочного заработка. Во многом из-за
отмеченных особенностей генерал-губернатор Е. П. Кашкин иници-
ровал меры рекрутинга медицинских кадров: желающим перевестись
на Урал выплачивался двойной оклад. Кроме того, Кашкин добился
разрешения комплектовать амбулатории менее квалифицированными
штаб-лекарями [Шестова, с. 76]. Благодаря этому к 1787 г. удалось
занять почти 20 медицинских должностей (то есть 1 чел. (врач или

¹ О географическом определении понятия Среднего Урала см.: [Соловьева, с. 139, 147–148].

лекарь) на 49,2 тыс. чел. населения) [Селезнева, с. 13–15]². Одним из позитивных следствий кадровой политики Кашкина стало появление на Среднем Урале немецкого врача Августа Фелькнера. Однако, если учесть масштаб вверенной ему территории, сложно понять, каким образом Фелькнер (как агент государства) мог принимать на себя коммуникативные функции в распространении идей медицинского просвещения среди населения³. Насколько стремление «перевоспитывать», возникшее в правящих верхах под влиянием европейского идейного трансфера, определяло взгляды нестоличного чиновничества? В этой связи мы должны обратиться к деталям дела «об отравлении».

В Екатеринбургском нижнем земском суде преступление, обстоятельства которого были описаны выше, квалифицировалось вопреки свидетельским показаниям. Несчастному случаю никакой конфликт не предшествовал. Вызванные на место происшествия заседатели суда приказали провести очные ставки, и всем участникам было велено присягнуть. 22 мая 1791 г. земский исправник прапорщик Григорий Клепинин подписал приговор о совершении «душегубства». Согласно действовавшему законодательству (гл. 22, п. 14 и 23 Соборного уложения 1649 г., а также ст. 162 Воинского артикула и гл. 15, п. 104 Морского устава 1715 и 1720 гг.), за совершение умышленного убийства путем отравления предусматривалась смертная казнь. А с учетом Сенатского указа от 30 сентября 1754 г., фактически отменившего смертную казнь, приговор был смягчен. Нижний земский суд рекомендовал наказать Акулину Зырянову 15 ударами кнутом [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 6–7]. Однако Екатеринбургская нижняя расправа не согласилось с подобным вердиктом. Проступок Акулины Зыряновой был оценен как наказуемый, но по разряду оказания квалифицированных медицинских услуг («в непозволенном ей деле») [Там же, л. 14]. Более того, самой потерпевшей были посмертно предъявлены встречные обвинения. По мнению судьи прапорщика Алексея Токарева, ее вина заключалась в том, что она не воспользовалась услугами государственной («правильной») медицины, а также в признании целебных свойств приготовленного «лекарства», «когда при Сысертском заводе есть вполне свидетельствованный лекарь». С Акулины Зыряновой было снято подозрение в совершении убийства. Вместо этого она была привлечена к ответственности за нелегальную врачебную деятельность. При вынесении приговора нижняя расправа руководствовалась нормами права, содержащимися в именных указах «О запрещении медицинской практики людям, не имеющим

² Цифры взяты из статьи И. Г. Балбашевского, ссылавшегося на данные IV ревизии (1781–1787 гг.). Тогда население в Пермском наместничестве составляло 789 тыс. чел. [Балбашевский, с. 32].

³ В конце 1780-х гг. доктор Фелькнер отвечал за медицинское обслуживание как в Екатеринбургском, так и в соседнем Камышловском уезде, население которых (с уездными центрами) составляло, по данным IV ревизии, 60,4 тыс. душ м. п. [Балбашевский, с. 42, 44].

свидетельств в знании Медицины» (1729) и «О свидетельствовании врачей, неимеющих дозволения от Медицинской Коллегии на лечение» (1784). Суд пришел к решению, что «злоумышленность нашлась только в непозволенном ей деле, да чего без медицинского чина», и рекомендовал наказать подсудимую битьем плетьюми [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 13]. Апелляционные суды – Екатеринбургская верхняя расправа и Уголовная палата Перми – признали обоснованным решение нижней расправы. В начале сентября 1791 г. дело Акулины Зыряновой было возвращено в Екатеринбург со следующим примечанием: наказать плетьюми «при собрании народных в страх других... чтобы она впредь такого лечения не производила» [Там же. Л. 1].

Таким образом, для судебных чиновников приоритетным было не просто наказание за преступное деяние, а дисциплинирование («в страх других») и тех, кто планировали продолжать вести незаконную практику, и тех, кто думали и дальше прибегать к услугам негосударственных (нелегальных) врачей. Во многом по этой причине данное дело было переклассифицировано с более тяжелой статьи («душегубство») на более мягкую, а потерпевшей посмертно были выдвинуты обвинения в одобрении нелегальных врачебных практик. На этом основании стоит полагать, что дело «об отравлении крестьянской девки» стало поводом для обсуждений и дискуссий в кругах местных судебных чиновников. Попытаемся очертить их круг.

Как уже упоминалось, свидетельство о смерти «крестьянской девки» подписал доктор Август Фелькнер. Тот являлся не только квалифицированным и опытным врачом, а и всесторонне образованным человеком. Сын штаб-офицера немецкого происхождения родился в 1760 г. в Санкт-Петербурге. Свою медицинскую карьеру Фелькнер начал в 14-летнем возрасте: сначала он поступил волонтером в главную аптеку родного города, потом служил подлекарем в сухопутном госпитале и при Инженерном кадетском корпусе. В 18 лет его за счет казны отправили для продолжения учебы за границу, в центры европейского просвещения. Он посещал лекции в университетах Геттингена, Вены, Парижа и Страсбурга, где ему 27 апреля 1785 г. было присвоено звание доктора медицины. Вернувшись в Россию, он продолжил карьеру на государственной службе. 3 февраля 1786 г. Медицинская коллегия подтвердила полученный им за рубежом титул и отправила его в восточную часть страны – в Иркутскую губернию, а спустя год он был переведен на Урал. Там он стал руководителем екатеринбургского госпиталя, занимал должность уездного врача, и к тому же с 1798 по 1804 г. работал заводским доктором на Екатеринбургских горных заводах. В 1792 г. его избрали членом императорского вольного экономического общества, спустя еще четыре года он получил чин надворного советника и стал потомственным дворянином [Тулисов, с. 189]. Кроме того, Фелькнер принадлежал к социальным верхам екатеринбургского общества – немец по происхождению, хорошо говоривший по-русски, он пользовался полным

доверием своих пациентов, они же приглашали его в лучшие дома города, и здесь высказанное им мнение имело значение [Байдин, с. 117, 119, 121, 124, 135].

Вполне возможно, его заключение, что смерть «приключалась от действия так называемого лекарства», стало поводом переосмыслить суть происшествия и рассмотреть его с другой точки зрения [ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11. Л. 5]. По нашему мнению, заключение Фелькнера позволяет предположить, что умерла больная не потому, что не знала о наличии в заводском поселке лекаря, а из-за того, что не доверила свое лечение представителю официальной медицины, основанной на научных методах. Каким же образом судебские чиновники смогли принять точку зрения немецкого врача?

Идеи, стоящие за нормами медицинско-полицейского законодательства, были им, скорее всего, знакомы, или по меньшей мере они были хотя бы открыты подобным представлениям.

Несмотря на географическую удаленность от столиц, в рассматриваемый период Средний Урал нельзя было назвать отдаленным регионом. С 1720-х гг. Екатеринбург был центром уральского горного управления – местом притяжения горных специалистов, как зарубежных, так и приехавших из старых металлургических районов Тулы, Олонца и Подмосковья. На торговых площадях можно было встретить не только местных купцов, но и иногородних и иностранных. По тогдашним меркам город был региональным образовательным центром, в котором уже к концу первой трети XVIII в. действовало несколько школ разных ведомств и профилей. Экономическому развитию города благоприятствовало принятое в 1763 г. решение о переносе на юг Сибирского тракта. Теперь Екатеринбург находился на главном торговом пути, связывавшем европейскую часть страны с Сибирью. Это выгодное положение еще больше укрепилось в 1781 г. с официальным открытием новой Большой почтовой дороги, соединившей Пермь, Кунгур, Екатеринбург и Камышлов. На рубеже XVIII–XIX вв. в Екатеринбурге числилось около 10 тыс. жителей обоего пола. Таким образом, он занимал второе место среди уральских городов после Оренбурга [История Урала, с. 289–290; Корепанов, с. 9–10, 232–233; Сафронова, с. 16–18].

Среди земских исправников региона государственный обвинитель прапорщик Григорий Клепинин (1756–1823) был незаурядной личностью. Он получил семилетнее школьное образование, обеспечившее ему карьеру в горном ведомстве. В 1771 г. он поступил на службу в ранге маркшейдерского ученика и вскоре был повышен до унтершихтмейстера 1-го класса. Губернская реформа ускорила его карьеру. В 26-летнем возрасте он был назначен землемером города Кунгура, в 1786 г. последовало награждение чином прапорщика, затем в 1794 г. он стал титулярным советником. Должность земского исправника в Екатеринбурге он занимал с 1790 по 1796 г. Удачный брак с Настасьей Андреевной Копыловой укрепил его положение

в обществе. Г. Клепинин был состоятельным человеком, независимым от государственного жалованья. В 1793 г. он купил помещичью землю на юге Екатеринбургского уезда недалеко от Тюбука и основал село Никольское, куда поселил крепостных крестьян из черноземных губерний, купленных на имя жены [Микитюк, с. 66]. В екатеринбургском обществе он был уважаемым человеком, которого звали на ужины и другие домашние развлечения и который, в свою очередь, приглашал на балы в свой дом [Байдин, с. 121, 130, 133].

Чиновники кассационных судов, рассматривавшие дело «об отравлении», были зачастую приезжими людьми из других регионов империи с различными жизненными траекториями, будь то происхождение, образование, прежние места службы, участие в военных кампаниях. Эти чиновники, происходившие из иного социокультурного окружения и контактировавшие с представителями местного населения, могли раздвигать границы их представлений. Председатель Екатеринбургской верхней расправы надворный советник Алексей Михайлов, бывший судья судных и земских дел, был ветераном Семилетней войны [ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 112. Л. 66]. Некоренными уральцами являлись судьи Пермской уголовной палаты. Карьера председателя учреждения статского советника Андрея Ивановича Орлова начиналась в Санкт-Петербурге в Святейшем Синоде [см.: Егошихинское кладбище Перми]. Его прямой подчиненный надворный советник Елисей Чадин, выходец из дворянского рода Костромской губернии, являлся участником военных действий, приведших к первому разделу Польши (1772), и Русско-турецкой войны (1768–1774), побывал в Прибалтике, Молдавии и Крыму. Покинув военную службу в 1778 г. в ранге секунд-майора, Чадин перевелся в Пермскую провинцию на должность смотрителя на Дедюхинских соляных промыслах. Место в Уголовной палате он получил в 1783 г. [Корчагин, с. 90–92]. Помимо собственно судейских чиновников, екатеринбургское высшее общество составляли члены таких влиятельных заводских семей, как поручик Александр Сергеевич Ширяев, помещик и, вероятно, родственник владельца Верхне- и Нижне-Исетских заводов, представители известных купеческих семей Казанцевых, Рязановых и Тарасовых, главный управитель Верх-Исетского завода Григорий Федотович Зотов, а также коллежский советник Иван Кузьмич Савков, член Екатеринбургской монетной экспедиции [Байдин, с. 141; Главы городского самоуправления, с. 52–53, 58–63; Ларионова; Трусов, с. 229–230]. В лучших кругах общества встречались высокопоставленные чиновники, например комендант города и будущий губернатор Вологодской губернии Карл Иванович фон Линеман (1748–1818), генерал-лейтенант Яков Васильевич Боувер, шеф Екатеринбургского мушкетерского полка в 1796–1798 гг. и родной брат губернатора Олонецкого наместничества [Егошихинское кладбище Перми; Подмазо; Словарь русских генералов, с. 485–486]. Входили в общество лица, известные за пределами Урала, занимавшие тогда ключевые пози-

ции в горнозаводской администрации. Лидирует в «списках гостей» Аникита Сергеевич Ярцов (1737–1819), выдающийся деятель горнозаводской промышленности, первый Екатеринбургский выпускник Московского университета, а в рассматриваемый период – глава Канцелярии главных заводов правления [Пензин, 2001, с. 315–328]. Упоминаются член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Иван Иванович Леман (1756–1804) – минералог, химик и переводчик в Коллегии иностранных дел, а также горный инженер Иван Филиппович Герман, профессор Венской академии наук, в 1784–1796 и 1801–1805 гг. руководитель экспедиции по Уральским и Сибирским горнозаводским округам и с 1801 г. начальник Екатеринбургского горного правления [Пензин, 2000, с. 147; Lehmann Ivan Ivanovič].

Несмотря на сравнительно немногочисленное высшее общество Екатеринбурга, круг общения был довольно широким и выходил за его рамки. Наряду с городской элитой, светские мероприятия посещали гражданские и горные чиновники среднего звена – капитаны, берггешворены, гиттенфервальтеры, титулярные советники, а порой губернские секретари и унтершхтмейстеры – представители духовенства и медицинских профессий [Байдин, с. 114–143]. Таким образом, формировалось новое коммуникативное поле. В гостях – на обедах, ужинах или балах, во время вечерней игры в карты и совместных прогулок на санях – люди общались, обменивались мнениями и, что неизбежно, вольно или невольно оказывали влияние на формирование представлений друг друга. Идеи, взгляды и убеждения, бытовавшие тогда в обществах Западной Европы и российских столиц, проникали в провинцию.

Важным свидетельством для реконструкции подобного рода досуговых практик в Екатеринбурге служит дневник священника Ф. Л. Карпинского (1758–1824) за 1798–1807 гг. – в своем роде уникальный источник, так как других более-менее подробных источников личного происхождения просто не имеется [Байдин]. С 1787 г. Карпинский занимал должность одного из присутствующих Екатеринбургского духовного правления. По своему складу он был исключительно начитанным и коммуникабельным, любил душевные беседы и шумное веселье, поэтому легко находил общий язык со многими людьми. Гостей священник принимал в своем доме почти ежедневно, и в другие дома его приглашали охотно [Там же]. Благодаря его дневнику выстраивается примерная картина того, как неформальные досуговые практики могли объединять уездного врача Фелькнера и представителей местных судов. Доктор медицины немецкого происхождения и уральские чиновники посещали одни и те же светские мероприятия, у них было множество общих знакомых, и, возможно, лично знакомыми являлись и они.

Следовательно, в рамках отмеченного коммуникативного поля, сформированного местными судебскими и городскими верхами, в провинцию проникали и усваивались идеи «медицинской по-

лиции». Вероятно, это позволило чиновникам, рассматривавшим дело «об отравлении крестьянской девки Марфы дочь Петровой», понять, что первоначальное решение, выдвинутое Г. Клепиным, не привело бы к достижению желаемого дисциплинирующего эффекта. Последнее объяснялось нетипичностью подобного дела для местной (и даже общеимперской) практики, так как еще была сильна вера в силу традиционной медицины. Для легитимизации от имени государства более мягкой статьи за содеянное и публично-го наказания судейские чиновники вместе с врачом А. Фелькнером проявили недюжинную юридическую изобретательность, подняв указы, не имевшие прямого отношения к такого рода делам. Данный факт показывает наличие определенной (неформальной) свободы у агентов государства при выработке норм и решений. Несмотря на такое «нормотворчество», сохранялась видимость справедливого наказания от имени государства, хотя в реальности своеобразный стговор местных чиновников, разделявших идеи «медицинской полиции», позволил переформатировать рассмотренное дело в более действенный инструмент государственного контроля и социального дисциплинирования.

Список литературы

- Байдин В. И. и др.* Дневник священника // Урал. ист. вестн. 1995. № 2. С. 114–143.
- Балбашевский Г. И.* Исторический очерк гражданского устройства Пермского края // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1891 г. Пермь : Тип. П. Ф. Каменского, 1892. С. 24–47
- ГАПК. Ф. 316. Оп. 1. Д. 47, 112.
- ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 11.
- Главы городского самоуправления Екатеринбурга : Исторические очерки. Екатеринбург : У-Фактория, 2003. 264 с.
- Голикова С. В.* Традиционное врачевание в повседневной жизни уральского города XIX – начала XX в. // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности : сб. ст. / под ред. Н. А. Миненко. Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. С. 93–107.
- Гринзовский А. М.* Медицинская полиция как междисциплинарная комплексная государственная доктрина сохранения общественного здоровья в XVIII – начале XX века // Актуальні проблеми сучасної медицини : Вісн. україської медичної і стоматологічної академії. Т. 14. 2014. № 2 (46). С. 1–6.
- Егошихинское кладбище Перми // Генеалогический форум ВГД : [сайт]. URL: <http://forum.vgd.ru/345/19439/10.htm> (дата обращения: 17.04.2019).
- История Урала с древнейших времен до 1861 г. / под ред. А. А. Преображенского. М. : Наука, 1989. 608 с.
- Корепанов Н. С.* В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург : Банк культур. информации, 2001. 251 с.
- Корчагин П. А.* Замечательные дома Перми // Пермский дом в истории и культуре края : материалы Шестой науч.-практ. конф. Пермь : Центр. гор. б-ка им. А. С. Пушкина, 2013. С. 89–114.
- Ларионова М. Б.* Село Тюбук Екатеринбургского уезда и его владельцы // Каслинский городской портал : [сайт]. URL: http://дк-родники.рф/fsmf/Almanach_02_18.htm (дата обращения: 17.04.2019).
- Микитюк В. П.* Дворянский род Клепичиных // Помещик. 2005. № 9. С. 66–69.

Миронов Б. Н. Управление этническим многообразием Российской империи. СПб. : Дмитрий Буланин, 2017. 640 с.

Пензин Э. А. И. Ф. Герман // Уральская историческая энциклопедия / под ред. В. В. Алексеева. 2-е изд. Екатеринбург : Академкнига, 2000. С. 147.

Пензин Э. А. А. С. Ярцов – горный деятель и ученый // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2001. Вып. 4. Евразийское пограничье. С. 315–328.

Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1825) // Музеи России : [сайт]. URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_e.html#Ekaterinburgski_mush_p (дата обращения: 17.04.2019).

ПСЗ. Собр. 1. Т. 5, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 21, 22.

Сафронова А. М. Екатеринбург как центр образования на Урале в XVIII в. // Екатеринбург в прошлом и настоящем : материалы науч. конф., посв. 270-летию города. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1993. С. 16–18.

Селезнева В. Т. Очерки по истории медицины в Пермской губернии. Пермь : Перм. гос. мед. акад., 1997. 124 с.

Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Рос. архив. Т. 7. М. : Студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. 464 с.

Смилянская Е. Б. Магическое целительство, или ведьмы, знахари и клирики как лекари в России XVIII века // Отеч. зап. 2006. № 1. С. 72–82.

Соловьева Т. В. Административно-территориальное деление Свердловской области в исторической ретроспективе // Документ. Архив. История. Современность. 2013. Вып. 13. С. 137–170.

Трусов В. А. Семья Зотовых // Урал индустриальный : Бакунинские чтения : материалы VIII Всерос. науч. конф., 27–28 апреля 2007 г. : в 2 т. Екатеринбург : АМБ, 2007. Т. 1. С. 129–130.

Тулисов Е. С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург : ИИиА УрО РАН, 1999. 368 с.

Шестова Т. Ю. Становление и развитие здравоохранения Урала в XVIII – начале XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. Пермь : [Б. и.], 2004. 525 с.

Hebenstreit E. B. G. Lehrsätze der medizinischen Polizeywissenschaft. Leipzig : Dyk, 1791. 266 S.

Lehmann Johann Christian / Ivan Ivanovič // Leibniz-Institut für Ost- und Südost- Europaforschung : [website]. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=29848> (mode of access: 17.04.2019).

Osterhausen J. K. Über die medicinische Aufklärung. Zürich : Gessner, 1798. Bd. 1. 74 S.

Renner A. Russische Autokratie und europäische Medizin : Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert // Medizin, Gesellschaft und Geschichte. Vol. 34. Stuttgart : Steiner, 2010. 373 S.

References

Baidin, V. I. et al. (1995). Dnevnik Svyashennika [Diary of a Clergyman]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No. 2, pp. 114–143.

Balbashevskii, G. I. (1892). Istoricheskii ocherk grazhdanskogo ustroistva Permskogo kraja [Historical Outline of the Civil Structure of Perm Region]. In *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar 'Permskoi gubernii na 1891 god*. Perm, Tipografiya P. F. Kamenskogo, pp. 24–47.

Egoshikhinskoe kladbishche Permi [Yegoshikhinsky Cemetery of Perm]. In *Genealogicheskii forum VGD* [website]. URL: <http://forum.vgd.ru/345/19439/10.htm> (mode of access: 17.04.2019).

GAPK [State Archive of Perm Region]. Stock 316. List 1. Dos. 47, 112.

GASO [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 591. List 1. Dos. 11.

Glavy gorodskogo samoupravleniya Ekaterinburga. Istoricheskie ocherki [Heads of the Yekaterinburg City Administration. Historical Sketches]. (2003). Yekaterinburg, U-Faktoriya. 264 p.

Golikova, S. V. (2001). Traditsionnoe vrachevanie v povsednevnoi zhizni ural'skogo goroda XIX – nachala XX v. [Traditional Healing in the Daily Life in a Ural City of the 19th – Early 20th Centuries]. In Minenko, N. A. (Ed.). *Ural'skii gorod XVIII – nachala XX v.: istoriya povsednevnosti*. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 93–107.

Grinzovskii, A. M. (2014). Meditsinskaya politsiya kak mezhdistsiplinarnaya kompleksnaya gosudarstvennaya doktrina sokhraneniya obshchestvennogo zdorov'ya v XVIII – nachale XX veka [Medical Police as an Interdisciplinary Comprehensive State Doctrine for Maintaining Public Health in the 18th – Early 20th Centuries]. In *Aktual'ni problemi suchasnoi meditsini*. *Visnik ukra'is'koï medichnoi i stomatologichnoi akademii*. Vol. 14. No. 2 (46), pp. 1–6.

Hebenstreit, E. B. G. (1791). *Lehrsätze der medizinischen Polizeywissenschaft*. Leipzig, Dyk. 266 S.

Korchagin, P. A. (2013). Zamechatel'nye doma Permi [Remarkable Houses of Perm]. In *Permskii dom v istorii i kul'ture kraya. Materialy Shestoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Perm : Tsentral'naya gorodskaya biblioteka imeni A. S. Pushkina, pp. 89–114.

Korepanov, N. S. (2001). *V rannem Ekaterinburge (1723–1781 gg.)* [In Early Yekaterinburg (1723–1781)]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii. 251 p.

Larionova, M. B. (N. d.). Selo Tyubuk Ekaterinburgskogo uезда i ego vladel'tsy [The Village of Tyubuk in Yekaterinburg District and its Owners]. In *Kaslinskii gorodskoi portal* [website]. URL: http://дк-родники.рф/fsmf/Almanach_02_18.htm (mode of access: 14.04.2019).

Lehmann Johann Christian / Ivan Ivanovič. In *Leibniz-Institut für Ost- und Südost-Europaforschung* [website]. URL: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=29848> (mode of access: 17.04.2019).

Mikityuk, V. P. (2005). Dvoryanskii rod Klepininnykh [The Noble Klepinin Family]. In *Pomeshchik*. No. 9, pp. 66–69.

Mironov, B. N. (2017). *Upravlenie etnicheskim mnogoobraziem Rossiiskoi imperii* [Administration of the Ethnic Diversity of the Russian Empire]. St Petersburg, Dmitrii Bulanin. 640 p.

Osterhausen, J. K. (1798). *Über die medicinische Aufklärung*. Zürich, Gessner. Bd. 1. 74 S.
Penzin, E. A. (2000). I. F. German [I. F. German]. In Alekseev, V. V. (Ed.). *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya*. Yekaterinburg, Akademkniga, p. 147.

Penzin, E. A. (2001). A. S. Yartsov – gornyi deyatel' i uchenyi [A. S. Yartsov – Mining Luminary and Scientist]. In *Problemy istorii Rossii*. Yekaterinburg, Volot. Iss. 4. Evraziiskoe pogranič'e, pp. 315–328.

Podmazo, A. (N. d.). Shefy i komandiry regulyarnykh polkov russkoi armii (1796–1825) [Chiefs and Commanders of the Regular Regiments in the Russian Army (1796–1825)]. In *Muzei Rossii* [website] URL: http://www.museum.ru/1812/Library/Podmazo/shefcom_e.html#Ekaterinburgski_mush_p (mode of access: 17.04.2019).

Preobrazhenskii, A. A. (Ed.). (1989). *Istoriya Urala s drevneishikh vremen do 1861 g.* [The History of the Urals from Ancient Times until 1861]. Moscow, Nauka. 608 p.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. First Collection. Vol. 5, 9, 10, 13, 14, 15, 16, 21, 22.

Renner, A. (2010). Russische Autokratie und europäische Medizin. Organisierter Wissenstransfer im 18. Jahrhundert. In *Medizin, Gesellschaft und Geschichte*. Vol. 34. Stuttgart, Steiner. 373 S.

Safronova, A. M. (1993). Ekaterinburg kak tsentr obrazovaniya na Urale v XVIII v. [Yekaterinburg as a Centre of Education of the Urals in the 18th Century]. In *Ekaterinburg v proshlom i nastoyashchem. Materialy nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 270-letiyu goroda*. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi universitet imeni A. M. Gor'kogo, pp. 16–18.

Selezneva, V. T. (1997). *Ocherki po istorii meditsiny v Permskoi gubernii* [An Outline of the History of Medicine in Perm Province]. Perm, Permskaya gosudarstvennaya meditsinskaya akademiya. 124 p.

Shestova, T. Yu. (2004). *Stanovlenie i razvitie zdavookhraneniya Urala v XVIII – nachale XX vv.* [The Formation and Development of Healthcare in the Urals in the 18th – Early 20th Centuries]. Dis. ... doktora istorich. nauk. Perm, S. n. 525 p.

Slovar' russkikh generalov, uchastnikov boevykh deistvii protiv armii Napoleona Bonaparta v 1812–1815 gg. [Encyclopaedia of Russian Generals, Participants in the Hostilities against the Army of Napoleon Bonaparte in 1812–1815]. (1996). In *Rossiiskii arkhiv*. Vol. 7. Moscow, Studiya "TRITE" N. Mikhalkova. 464 p.

Smiliyanskaya, E. B. (2006). Magicheskoe tselitel'stvo, ili ved'my, znakhari i kliriki kak lekari v Rossii XVIII veka [Magical Healing, or Witches, Quacks, and Clerics as Healers in 18th-Century Russia]. In *Otechestvennye zapiski*. No. 1, pp. 72–82.

Solov'eva, T. V. (2013). Administrativno-territorial'noe delenie Sverdlovskoi oblasti v istoricheskoi retrospektive [Administrative Division of Sverdlovsk Region in Historical Retrospective]. In *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Iss. 13, pp. 137–170.

Trusov, V. A. (2007). Sem'ya Zotovykh [The Zotov Family]. In *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya. Materialy VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, 27–28 aprelya 2007 g. v 2 t.* Yekaterinburg, AMB. Vol. 1, pp. 129–130.

Tulisov, E. S. (1999). *Istoriya upravleniya gornozavodskoi promyshlennost'yu Urala na rubezhe XVIII i XIX vekov* [The History of the Administration of the Mining Industry in the Urals at the Turn of the 19th Century]. Yekaterinburg, Institut istorii i arkhologii Ural'skogo otdeleniya RAN. 368 p.

The article was submitted on 17.05.2019